

стве. Более того, я надеюсь – то, что я передаю ему, послужит хорошей цели, потому что до сих пор король Англии не был моим вассалом, а теперь будет платить мне дань, как своему господину».

Ни один человек в мире не трудился более усердно, чем наш король, чтобы установить мир между своими подданными, особенно между крупными вельможами, которые соседствовали друг с другом, и принцами его королевства; как он поступил, например, в деле графа де Шалона – дяди сеньора Жуанвиля – и его сына, графа Бургундского, которые затеяли жестокую войну друг с другом, когда мы вернулись из-за моря. Чтобы установить мир между ними, король за свой счет послал в Бургундию нескольких членов своего совета, и благодаря его неустанным усилиям между отцом и сыном был установлен мир.

Несколько позже начались серьезные бои между королем Тибо II, владыкой Шампани, и графом де Шалоном вместе с его сыном по вопросу, кто должен владеть аббатством Люксей. Для разрешения этого спора король послал Жерве д'Экскрай-на, в то время главного поставщика королевского двора, вмешательство которого привело к примирению сторон.

Когда король положил конец этой враждебности, вспыхнула другая ссора – между графом Тибо де Баром и мужем его сестры графом Анри Люксембургским. В результате они сошлись в бою у Прени, где граф Тибо пленил своего зятя, а затем захватил замок Линьи, который принадлежал графу Люксембургскому и его жене. Чтобы положить конец этому раздору, король за свой счет послал камергера Пьера, которому доверял больше всех в мире, и заставил спорщиков примириться друг с другом.

В тех случаях, когда король принимал участие в улаживании ссор между теми, кто входил в состав его владений, некоторые члены его совета говорили, что лучше бы он позволил им и дальше драться между собой, ибо, если он позволит им терять силы и средства, они с меньшей готовностью попытаются напасть на него, чем если бы у них было денег в избытке. Король же отвечал своим критикам, что в их словах нет мудрости. «Ибо если, – сказал он, – соседние князья и другие сеньоры увидят, что я не мешаю им воевать друг с другом, они могут объединиться и сказать: «Этот король по злему умыслу поощряет ссоры между нами». И поэтому, может из-за ненависти ко мне, они могут напасть на меня, что будет большой потерей для меня и осуждением со стороны Господа нашего, который говорил: «Да будут благословенны миротворцы».

В результате постоянных усилий короля установить мир между жителями Бургундии и Лотарингии, которых он наконец примирил, они стали испытывать к нему такую любовь и почтение, что, когда им было необходимо разрешать какие-то споры между собой, они обращались с прошениями в королевские суды в Реймсе, Париже и Орлеане.

Король испытывал такую глубокую любовь к Господу нашему и Его Матери, что сурово наказывал тех, кто неуважительно упоминал их или использовал их имена в каком-то непристойном богохульстве. Так, я был свидетелем, как он приказал привязать к лестнице ювелира из Кесарии и повесить ему на шею столько свиных кишок и других внутренностей, что они доходили ему до самого носа. Также я слышал, вернувшись из-за моря, что он приказал за подобное богохульство прижечь клеймом нос и губы какого-то парижанина, но сам я этого не видел. Обычно праведный король говорил: «Я охотно позволю прижечь раскаленным железом себя при условии, что все гнусные богохульства будут изгнаны из моего королевства». Я провел в его обществе двадцать два года и ни разу не слышал, чтобы он клялся именем Божьим, или Богородицею, или же Его святыми. Когда он хотел подчеркнуть какую-то мысль, он говорил: «Это было именно так» или же «Это именно так».

Я никогда не слышал, чтобы он упоминал дьявола, разве что его имя появлялось в некоторых книгах, в которых он имел право быть упомянутым, например в житиях святых, где шла речь и о нем. Это большой позор и Французскому королевству, и самому королю, что сегодня это всем позволено и почти каждый в разговоре употребляет выражение «Черт побери!». Более того, эти греховные речи отдают во власть дьявола мужчин и женщин, которые с крещения принадлежали Господу. В моем замке в Жуанвиле любому, кто говорил такие вещи, затыкали уши или он получал оплеухи, так что плохие речи исчезли из употребления.

Король как-то спросил меня, омываю ли я ноги беднякам на Страстной неделе. Я сказал, что не делаю этого, потому что считаю неподобающим делом. Он сказал, что я не должен пренебрегать этим, зная, что и Господь наш так поступал. «Я предполагаю, – сказал он, – что ты очень неохотно последовал бы примеру короля Англии, который омывал ноги прокаженных и целовал их».